

Комната сгустилась, воздух стал тягучим, ветер закружился, словно невидимая рука, с бешеной скоростью. Профессоров он хлестал, как серебряными копьями, а глаза Гарри горели зеленым огнем. МакГонагалл, как и другие главы домов, отступила на шаг. — Хватит! — раздался властный голос Дамблдора. Гарри усмехнулся, и ветер стих, унося с собой зеленое пламя из его глаз, но взгляд его по-прежнему не отрывался от МакГонагалл, чье лицо побелело. — Мистер Поттер, хватит! — повторила она, но ее голос дрожал. — Правда? — Гарри рассмеялся, его смех был коротким и злым. — Не знаю, достаточно ли я подчеркнул свою точку зрения. Видите ли, я не умею держать удар, а этот милый маленький профессор, похоже, не до конца меня понял. — Остальные с этим не согласны. Гарри встал, улыбка исчезла, и он посмотрел на МакГонагалл, словно хищник на свою жертву. — Еще раз упомянешь моих родителей, и я буду очень недоволен, сравнишь меня с ними — и я покончу с тобой. И я... не говорю о твоей карьере. Я понимаю, что у тебя был муж, которого больше нет с тобой... МакГонагалл вздохнула. — Он погиб на последней войне, не так ли? Держу пари, ему было бы стыдно за то, как ты легко используешь память о моих родителях, когда тебе это удобно. И ему наверняка было бы стыдно за то, что ты не помешал Дамблдору подкинуть ребенка своим ненавистным родственникам посреди холодной ночи сразу после того, как он потерял упомянутых родителей. Пойди и хорошенько подумай, а потом, когда закончишь, реши, за кого моим родителям было бы действительно стыдно. Мне или тебе? Всем доброго дня. — Гарри развернулся и направился к двери. Он уже собирался уйти, но остановился и повернулся к МакГонагалл. — Не понимаю, почему твоя звероформа — кошка, если ты ведешь себя как сука. Он вышел, не дожидаясь ответа. — Минерва? — Дамблдор посмотрел на МакГонагалл, ее лицо было бледным, словно полотно, глаза наполнились слезами. — Простите, Минерва, — сказала Спраут, стараясь быть как можно более любезной, — но я вынуждена согласиться с мистером Поттером. — Да, — согласился Флитвик, хотя в его голосе не было той же теплоты, что у Спраут. — Это было не по правилам. Пусть я не знаю Джеймса так хорошо, как вы, но я знаю Лили, если не лучше. И она бы точно не одобрила, если бы ты использовала ее память против ребенка, который тебя злит. — Филиус, этого достаточно, — сказал Дамблдор. — Правда? — Флитвик бросил вызов. — Да, достаточно, — ответил Дамблдор, его глаза стали жесткими, лишившись своего фирменного блеска. Флитвик хмыкнул и вышел из комнаты, Спраут последовала за ним. Дамблдор глубоко вздохнул, встал, наколдовал для нее салфетку и осторожно подвел к своему месту. — Минерва? — спросил он, но она не ответила. — Минерва? Минерва, пожалуйста, поговори со мной. Минерва? — А... Альбус... я... я... — это было все, что МакГонагалл смогла вымолвить, прежде чем разрыдаться. Альбус нежно обнял ее, и она зарыдала у него на плечах. ***На следующий день во время ужина Альбус сидел за главным столом и наблюдал, как Гарри вошел и сел за стол Рейвенкло. Он все еще не мог поверить в то, как Гарри разговаривал с Минервой. Бедная женщина все еще была так расстроена, что не может преподавать, и ее занятия отменили на неделю. Дамблдор понял одну вещь: Гарри Поттер точно не тянул время. МакГонагалл оскорбила его, возможно, даже обидела своим комментарием о его родителях. В ответ он использовал свой ядовитый язык и разорвал женщину в клочья. Это было похоже на то, как гадюка не хочет отпускать свою добычу. Минерва МакГонагалл, по мнению Дамблдора, была очень жесткой женщиной. Но Гарри удалось сделать то, что многие даже не считали возможным — довести ее до слез. МакГонагалл ушла с того собрания с чувством, что она предала не только Поттеров, но и память о своем муже. Эти слова усугублялись тем, что Гарри был сыном двух ее любимых студентов и что она, очевидно, чувствовала, что в его словах есть доля правды. Продолжая размышлять, Дамблдор заметил, что большинство Слизеринцев активно стараются не смотреть на Гарри Поттера. Прожив так долго и встретив так много разных людей, Дамблдор приобрел очень полезный навык чтения лиц людей. Если хоть что-то выдавало их эмоции, Дамблдор мог это уловить. Самое заметное, что видел Дамблдор, — это страх, причем у всех. Кроме того, некоторые люди испытывали скрытое благоговение, что было довольно странно. Дамблдор был рад, когда один из них взглянул на них: у этого человека не было ментальных щитов, и

Дамблдор быстро прочитал его мысли, чтобы понять причину этого. Когда он закончил, то чуть не вскочил со своего места от шока и ужаса. Он не мог поверить в это! Увидев, как Гарри уничтожает дом Слизерин, пожилой волшебник ощутил сильный страх. Даже Том не был так силен в его возрасте. Некоторые из заклинаний, которые использовал Гарри, были очень сложными, и Дамблдор догадался, что Беллатриса Лестрейндж научила им Гарри или он сам выучил их после обучения — оба варианта казались вполне вероятными. Дамблдор был в шоке, пытаясь осознать случившееся. Гарри Поттер был порочным. Ему нравилось делать то, что он делал, это было очевидно. Он наслаждался страхом, который вызывал, и это было очевидно. Если Дамблдор в ближайшее время не возьмёт его под контроль, то он рискует столкнуться с появлением ещё более страшного Тёмного Лорда, а этого ему точно не хотелось. К столу подлетела птица, держа в клюве красное письмо. Дамблдор быстро сообразил, что эта птица — ворон, принадлежащий Гарри, которого, как он полагал, звали Тень. Птица уронила письмо на колени Дамблдора и тут же украла немного еды из его тарелки, после чего подлетела к Гарри и приземлилась перед ним. Дамблдор был немного удивлен, что ему пришло письмо, ведь обычно он направлял его в свой кабинет, и тут он вспомнил, что у него есть совиные заслоны, предназначенные для сов, а не для воронов. Красное письмо поднялось в воздух, давая Дамблдору понять, что это ревун, что тоже было странно, ведь он не сделал ничего такого, что могло бы послужить поводом для ревуна. Во всяком случае, не в последнее время. Письмо открылось и приобрело форму рта.— Здравствуйте, директор Дамблдор! — раздался по всему залу голос Беллатрисы Лестрейндж, но она не кричала, её голос был даже забавным. — Как дела? Я просто хотела сообщить вам, что я искала счета Поттеров от имени Гарри. Я заметила, что там должна была быть реликвия, которая должна была быть возвращена в хранилище Поттеров в Гринготтсе в случае смерти Джеймса и Лили Поттер. Я не смогла найти ее, но полагаю, что Джеймс передал ее вам. — Возможно, вы будете так любезны, чтобы передать это Гарри, — гласило письмо, написанное дрожащей рукой. — Я не хочу ехать в Хогвартс, чтобы вручить ему его законную собственность. Письмо замолчало на мгновение, словно собираясь с силами, а потом продолжило, уже с заметной тревогой:— Также, любя тебя, Гарри, проследи, чтобы Дельфи вела себя хорошо. Пока-пока. С этими словами бумага разлетелась на мелкие, едва различимые кусочки, словно ее разорвали невидимые, но могущественные пальцы.